

Между дискурсами патологии и нормы: биографическая практика аутоагрессии (на примере самоповреждения)

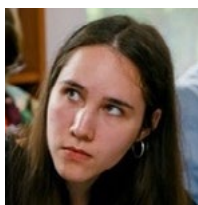
DOI: [10.19181/inter.2019.20.4](https://doi.org/10.19181/inter.2019.20.4)

Правильная ссылка на статью:

Михайлова О. Между дискурсами патологии и нормы: биографическая практика аутоагрессии (на примере самоповреждения) // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2019. Т. 11. № 20. С. 77–96. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2019.20.4>.

For citation:

Mikhaylova O. (2019) Balancing between discourses of pathology and normality: biographical practice of autoaggression. The case of self-harm. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 11. No. 20. P. 77–96. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2019.20.4>.

Оксана Михайлова*

В статье рассматривается конструирование биографической идентичности в процессе аутоагрессивного самоповреждения. Биографантка — представительница русскоязычного онлайн-сообщества практикующих самоповреждения “Stop hurting yourself” в социальной сети «ВКонтакте». Применяется постструктуралистский социологический подход к анализу практики самоповреждения, что ставит эту практику в центр дискурсивных столкновений различных социальных акторов и институтов. Исследуется саморепрезентация биографантки в условиях полифонии культурных дискурсов о самоповреждении, а также осуществлен дискурс-анализ онлайн-сообщества, к которому принадлежит информантка. Биографическая история как продукт нарративного интервью интерпретировалась при помощи тематического и секвенционального анализа. Анализ нарратива обнаруживает смешанное присутствие дискурсов патологизации и нормализации в осуществляемой биографической работе информантки. Обсуждение структуры биографического нарратива о самоповреждении вписывается в дискуссию

* Михайлова Оксана — магистрантка факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», oxanamikhailova@gmail.com.

о статусе ОСОМЗ (онлайн-сообществ, организованных вокруг ментальных заболеваний), которая ведется среди представителей социальных наук, позволяя проиллюстрировать возможности сочетания социологических и психологических оптик в исследованиях ментального здоровья.

Ключевые слова: самоповреждение; селф-харм; аутоагрессия; порезы; биографический метод

Введение

В этой статье мы обращаемся к социальному анализу одной из распространенных телесных практик, которую сложно причислить к техникам заботы и ухода за своим телом. Речь идет о регулярных самоповреждениях как симптоматике не столько ментальных расстройств, сколько социальных эффектов этого специфического телесного поведения. Итак, самоповреждение (селф-харм, от англ. self harm) — это пример аутоагрессивного поведения, которое выражается в нарушении кожных покровов своего тела человеком, не имеющим суицидальных намерений (Adler, Adler, 2008: 34)¹.

В России эта практика фигурирует в разных дискурсивных контекстах, она может быть явлена в границах приватности, может обнаруживаться и за их пределами, то есть становится частью публичных перформансов, в том числе может выступать в качестве способа артикуляции политического протеста. Например, 25 октября 2018 г. активистка партии «Другая Россия», забравшись на один из экспонатов на выставке военной техники «Интерполитех», порезала вены². 5 декабря 2018 г. заключенный откусил себе язык³. В 2010-х годах П. А. Павленский организовал серию публичных перформансов, в рамках которых зашивал себе рот нитками, резал ухо, лежал в колючей проволоке и прибивал мошонку к брусчатке Красной площади (Nelson, 2018). Возможно, самоповреждение стало инструментом публичной драмы, поскольку селф-харм — стигматизируемая и наказуемая (членовредительство в армии, на фронте каралось и карается уголовным наказанием)⁴ практика. В ходе перформанса предьявление последнего неразменного аргумента — угрозы собственному телесному здоровью — привлекает резко

¹ Примерами подобной практики могут служить порезы, ожоги, клеймирование, расчесывание, расковыривание ран, самобитье, битье головой об стену, трихотилломания (вырывание волос на теле) и т.д.

² Активистка «Другой России» вскрыла вены на выставке полицейской техники «Интерполитех». URL: <https://meduza.io/news/2018/10/25/aktivistka-drugoy-rossii-vskryla-veny-na-vystavke-politseyskoy-tehniki-interpoliteh> (дата обращения: 30.05.2019).

³ Заключенный «Владимирского централа» сказал, что сам откусил себе язык, который считали отрезанным во время пыток. URL: <https://www.newsru.com/russia/05dec2018/vladcentral.html> (дата обращения: 30.05.2019).

⁴ Статья 339 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за временное или постоянное уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем причинения вреда своему здоровью (членовредительства), симуляции болезни, подлога документов или иного обмана (УК РФ).

сфокусированное внимание государственных институтов, в чем, собственно, и заключается цель социального активиста.

Но что движет теми, кто не предьявляет самоповреждение, не инструментализирует его для достижения каких-либо публичных целей? Так, С. Ходгсон выяснила, что селф-хармеры⁵ справляются с социальными проблемами, скрывая свой опыт самоповреждения, происхождение шрамов и рассказывая истории, которые обосновывают (легитимируют) их телесное поведение (Taylor, Ibañez, 2015). Статистические исследования, посвященные обращению селф-хармеров за помощью к другим людям, либо к институту медицины, показывают, что они редко сообщают своим близким о наличии опыта самоповреждения (Rowe et al., 2014). Информацию о том, что человек — селф-хармер, нередко узнают косвенно, например, замечая на его/ее руках порезы и шрамы.

В психологии аутоагрессивное или аутодеструктивное поведение хорошо известно и описано, прежде всего в логике психоанализа, как перенаправленная агрессия и механизм психологической защиты. В отличие от этого взгляда, логика постструктурализма предлагает исследовательски интересный взгляд на практику самоповреждения как способ конструирования субъектности (Franzén, Gottzén, 2011). При этом индивиды пытаются отвоевать свою субъектность у патологизирующих этот процесс социальных институтов. Социальные институты стремятся получить право санкционировать самоповреждение путем создания классификаций дозволенных и недозволенных форм селф-харма. К примеру, в медицине самоповреждение одобряется, если это действие позволяет получить дополнительную информацию о пациенте: измерение сахара в крови, холестерина. В то же время медицина проблематизирует селф-харм, когда эти действия не производятся подконтрольно: МКБ10 (Международная классификация болезней 10-го пересмотра) содержит отдельный раздел, посвященный типам самоповреждения. Но не только медицина стремится получить контроль над этой практикой (Arcoverde, de Almeida Amazonas, de Lima, 2016). Подобное стремление к категоризации заметно и в религии, где в процессе ритуала самоповреждение может быть легитимным, например, обрезание. Словом, самоповреждение является объектом контроля со стороны различных социальных акторов, которые стремятся определить его значение и регламентировать легитимную практику применения.

Когда селф-харм, в числе других диагностических категорий, только зародился в медицинском дискурсе, индивиды, которые были объединены институтом медицины под категорию носящих определенный диагноз, за исключением сеансов групповой терапии, не были связаны друг с другом в каких-либо сообществах (Giles, Newbold, 2013: 477). Социальность тех, кто практикует самоповреждение, возникла в эпоху интернета, изменился

⁵ Мы воспользуемся в дальнейшем термином-калькой с английского для вычленения других смыслов, нежели те, которые закреплены за оценочным термином «членовредительство» но есть слово без лишних коннотаций — самоповреждение, буквальный перевод *self harm*, автор его далее использует.

формат взаимоотношений между людьми, которые маркированы тем или иным диагнозом, они объединяются в группы самостоятельно, вне надзора психотерапевта, психолога или врача.

Виртуализация дискурсов о ментальных расстройствах в виде ОСОМЗ (онлайн-сообщества, организованные вокруг ментальных заболеваний) привлекает внимание социальных исследователей, не говоря о медицине и коммерческих структурах. Изучение этих сообществ началось с форумов и на данный момент переключилось на исследование групп селф-хармеров в социальных сетях. В процессе проведенных исследований было выяснено, что вместе с положительным эффектом ресоциализации человека с ментальным расстройством и смягчения детерминированности его/ее опыта медицинской проблемой возникла практика самодиагностики и распространение среди онлайн-пользователей квазидиагностических категорий, имеющих мало общего с категоризациями, принятыми в профессиональном терапевтическом дискурсе сообществ (Giles, Newbold, 2013). Например, кто-то становится «ана» (человек с анорексией) или «аспи» (человек с синдромом Аспергера), получив подобный диагноз в онлайн-сообществе от других пользователей. Результатом такой диагностики иногда становится «самосбывающееся пророчество», то есть люди, не обладающие серьезными ментальными расстройствами до включения в ОСОМЗ, начинают «присваивать» признаки этих расстройств в процессе пребывания в онлайн-группах.

В нашем исследовании, понимая, что самоповреждение является узловой точкой для различных дискурсов, и наблюдая наличие ОСОМЗ, связанных с селф-хармом в России, мы рассматриваем, как фреймируется самоповреждение в дискурсе селф-харм ОСОМЗ, а также акторов, создающих и воспроизводящих этот дискурс. В эмпирическом фокусе этой статьи — анализ нарративной биографической идентичности селф-хармера, обладающего виртуальным членством в сообществах, практикующих самоповреждение. Поэтому мы реконструируем проводимую информанткой биографическую работу, которую она осуществляет по выстраиванию своего личного пережитого опыта и группового опыта как члена сообщества “Stop hurting yourself”⁶. Групп, посвященных селф-харму, в российском интернете много, однако они не имеют большого числа подписчиков⁷. Это объясняется тем, что такие сообщества часто закрывают, в особенности если они начинают публикацию фотографий, что квалифицируется как пропаганда деструктивного поведения. Русскоговорящие селф-хармеры коммуницируют не только в онлайн-сообществах, но и ведут блоги, например, в Tumblr и других социальных сетях.

Предположения, которыми мы руководствовались при создании инструментария для биографического интервью, базировались на сформулиро-

⁶ Stop hurting yourself. URL: <https://vk.com/stophurtingyourself> (дата обращения: 09.12.2018).

⁷ Во «ВКонтакте» насчитывается более тысячи подобных групп, многие из этих групп намеренно маскируют свою тематическую принадлежность, избегая упоминания в названии слова «самоповреждение» и его синонимов.

ванной дихотомии между нормализующим и патологизирующим дискурсом о селф-харме, о которой сообщается в работе Анны Градин Францен и Лукаса Готцена (Franzén, Gottzén, 2011), и на результатах исследования дискурса сообщества “Stop hurting yourself”, проведенного в декабре 2018 г. Мы скомбинировали подходы к биографическому интервьюированию у Шютце, Розенталь, Грей и Дагг. Данные интерпретировались при помощи секвенционального и тематического качественного анализа.

Структурно тест выстроен по следующей логике: вначале будут представлены теоретические подходы к изучению онлайн-сообществ самоповреждения, после этого мы опишем использованный в исследовании методологический подход и представим полученные результаты анализа с их обсуждением.

Понимание феномена самоповреждения в социологии и других научных дисциплинах

Оптики осмысления селф-харма подробно освещены в работе Францен и Готцена (Franzén, Gottzén, 2011). Эти исследователи разделяют подходы к изучению селф-харма на медицинский, психологический и социологический.

В медицине селф-харм — это индикатор ментального заболевания. Вследствие этого исследования, ведущиеся представителями медицинского научного сообщества, нередко касаются влияния практик самоповреждения на здоровье пациента. Изучение самоповреждения в психологии разворачивается в бихевиористских и психодинамических перспективах. Бихевиористы рассматривают селф-харм как акт коммуникации, истоки такого поведения надо изучать (моделировать). Психодинамисты связывают самоповреждение с травмирующим опытом в детстве.

Медицинский и психологический подходы к изучению селф-харма критикуются социологами по нескольким причинам. Во-первых, социологи считают, что используемые медиками выборки нерепрезентативны и отражают стереотипы о больных ментальными расстройствами. Во-вторых, психологи и медики систематически не учитывают культурные контексты. Стремясь преодолеть недостатки медицины и психологии, социологи предложили собственные объяснительные модели селф-харма как феномена. Теории были сформулированы в контексте символического интеракционизма, социологии эмоциональной работы, социологии девиантности и социальной истории. Эти теории были сгруппированы Тейлором и Ибанезом в социокультурный, интерпретативный и постструктуралистский подходы (Taylor, Ibañez, 2015).

В постструктурализме самоповреждение — это культурный феномен, который конструируется в тесной связи с освобождением и самостью, постструктуралисты помещают тело в центр дискурсивных войн и считают его комплексом властных отношений. Постструктуралисты изучали не только

текстуальные репрезентации селф-харма. Штернуд написал несколько статей, посвященных сравнению артикуляции дискурса селф-харма при помощи визуальных и текстуальных методов коммуникации (Sternudd, 2012; Sternudd, 2014). Он пришел к выводу, что фотографии селф-хармеров, которые размещаются ими в интернете, несут коммеморативный, артистический и коммуникационный смыслы. То есть селф-хармеры документируют свой опыт, создают объекты для эстетического удовольствия и размещают фотографии для других селф-хармеров, которые способны сублимировать свое желание порезать себя в просмотр фотографий. Уильямс, Нильсен и Колсон проанализировали образ медицинских работников в селф-харм онлайн-группах (Williams, Nielsen, Coulson, 2018). Гилес и Ньюболд рассмотрели практики самодиагностики и диагностики других, которые используются в селф-харм сообществах, и пришли к поразившему их выводу о том, что на сайтах селф-хармеров профессиональные специалисты по ментальному здоровью воспринимаются уважительно, а не как часть репрессивной медицинской системы (Giles, Newbold, 2011). Скурфильд, Рое и Мак-Дермотт пришли к выводу, что есть «публичный» и «приватный» селф-харм (Scourfield, Roen, McDermott, 2011). И различия между ними приобретают следствия для социальной репутации: так, подростки не считают настоящим селф-хармером того, кто только сообщает об этом в интернете.

Францен и Готцен, работая в постструктуралистской логике, выделяют характеристики, которые, по мнению членов таких групп, отличают их от Других, не практикующих самоповреждение: 1) одиночество, депрессия и тревожность; 2) реалистичное видение мира; 3) легкий менеджмент трудностей, о которых даже не заботятся «обычные» люди (Franzén, Gottzén, 2011). Все три отмеченные особенности составляют стратегию нормализации селф-харма — это был основной дискурс, обнаруженный исследователями. Внутри нормализующего дискурса самоповреждение видится как допустимая практика, необходимая для того, чтобы справиться с психологическими проблемами, такими как тревожность, депрессия и суицидальные мысли. Второй тип описаний — это конструирование уникальности через позиционирование себя как слабого, марионетки по сравнению с другими. Патологизирующий дискурс опирается на медицинский и психологический. Здесь селф-хармеры рассматриваются как неблагодарные индивиды, которые преувеличивают свои проблемы, чтобы привлечь внимание, и отвлекают на себя медицинские ресурсы. Наличие двух конкурирующих дискурсов создает проблемы для участников, поскольку вынуждает их балансировать между различными субъектными позициями. АрCOVERDE и ее коллеги тоже придерживались постструктуралистского подхода, в рамках которого они рассматривают селф-харм в онлайн-сообществе как 1) элемент психологического дискурса, 2) психопатологию, 3) способ коммуникации, 4) религиозный опыт, 5) наслаждение и 6) искусство (Arcoverde, de Almeida Amazonas, de Lima, 2016).

В приведенных работах мы видим, что селф-харм ОКОМЗ интересуют представителей разных дисциплин. В социологии наиболее поздним и релевантным подходом для формирования базовой теоретико-методологической

оптики в связи с поставленным нами в этой статье исследовательским вопросом является постструктурализм, поскольку этот подход учитывает влияние на производство телесных практик социальных структур и агентов, вписанных в эти структуры. Предполагается, что дискурсивные структуры задают границы для реализации телесных практик, а акторы осуществляют выбор способов реализации телесных практик в связи с заданными дискурсивно границами (Franzén, Gottzén, 2011: 283). Результаты исследований, выполненные в рамках других подходов, могут быть тем не менее полезны при операционализации и интерпретации полученных нами данных. В нашем исследовании мы обратились к двум идеальным типам дискурсов, обнаруженным предыдущими исследованиями при анализе селф-харм сообществ: нормализующему и патологическому. Мы предположили, что нарративная идентичность информантки с опытом самоповреждения будет разворачиваться в рамках континуума между нормализующим и патологизирующим дискурсом, с обозначением контекстов переключения между ними. Далее перейдем к нашему методологическому инструментарию.

Методология изучения российского виртуального селф-харм дискурса

Эмпирические исследования селф-харм ОСОМЗ разнообразны не только по предметам изучения, но и по используемым методам (таблица 1). Преобладание среди анализируемых исследователями нереактивных данных может объясняться сензитивностью темы и необходимостью получения заключений этических комиссий вузов. Небольшое количество статей, посвященных визуальному анализу фотографий селф-хармеров, также может быть результатом внешних ограничений, накладываемых на публикацию и распространение фотографий самоповреждения в социальных сетях. Так как не всегда ясна протосуицидальная интенция, то ситуация с изучением самоповреждения в России особенно обостряется в связи с наличием статьи в УК РФ о склонении к самоубийству, а также ряда иных актов, регулирующих распространение информации о способах совершения самоубийства.

В исследовании мы обращаемся к качественной традиции и триангуляции источников данных, анализируя не только онлайн-пространство, но и акторов, взаимодействующих с этим пространством. При проектировании интервью мы руководствовались моделью Ф. Шютце, совмещая ее с идеями Г. Розенталя (Рождественская, 2012: 147–148) и построением линии жизни (life-line) (Gray, Dagg, 2018: 5–6). Тематическое наполнение гайда охватывало значение селф-харма для информантки: типы самоповреждения и их связь между собой, места самоповреждения и их значение, отношение окружающих к самоповреждению, процесс нанесения порезов, друзья и их вовлеченность в ментальное сообщество, отношение к медицине, сообщества ментальных расстройств в интернете, активизм и инстанции контроля и ассоциации с самоповреждением.

**Теоретические подходы к изучению селф-харма,
используемая методология сбора и анализа данных**

Селф-харм	Теоретические подходы к изучению самоповреждения	<ul style="list-style-type: none"> – <i>медицинский</i> (Davis, Lewis, 2018). – <i>психологический</i>: <ul style="list-style-type: none"> • <i>бихевиоризм</i> (Eichenberg, Schott, 2017; Rodham et al., 2013); • <i>психодинамический подход</i> (Margherita, Gargiulo, 2018). – <i>социологический</i>: <ul style="list-style-type: none"> • <i>социокультурный</i> (Taylor, Ibañez, 2015); • <i>интерпретативный</i> (Adler, Adler, 2008; Jacob, Evans, Scourfield, 2017; Lewis, Mehrabkhani, 2016); • <i>постструктуралистский</i> (Sternudd, 2012; Sternudd, 2014; Williams, Nielsen, Coulson, 2018; Giles, Newbold, 2011; Scourfield, Roen, McDermott, 2011; Arcoverde, Almeida Amazonas de, Lima de, 2016).
	Методы сбора данных	<ul style="list-style-type: none"> – <i>полуструктурированные интервью</i> (Adler, Adler, 2008; Jacob, Evans, Scourfield, 2017; Sternudd, 2012); – <i>фокус-группы</i> (Scourfield, Roen, McDermott, 2011); – <i>опрос</i> (Eichenberg, Schott, 2017); – <i>анализ нереактивных данных веб-сайтов и социальных сетей</i> (Adler, Adler, 2008; Arcoverde, Almeida Amazonas de, Lima de, 2016; Davis, Lewis, 2018; Eichenberg, Schott, 2017; Giles, Newbold, 2011; Franzén, Gottzén, 2011; Haberstroh, Moyer, 2012; Jacob, Evans, Scourfield, 2017; Lewis, Mehrabkhani, 2016; Margherita, Gargiulo, 2018; Rodham и др., 2013; Seko, Lewis, 2018; Sternudd, 2012; Sternudd, 2014; Williams, Nielsen, Coulson, 2018).
	Методы анализа данных	<ul style="list-style-type: none"> – <i>качественные методы анализа данных</i>: <ul style="list-style-type: none"> • <i>тематический анализ</i> (Adler, Adler, 2008; Jacob, Evans, Scourfield, 2017; Lewis, Mehrabkhani, 2016; Margherita, Gargiulo, 2018; Rodham и др., 2013; Williams, Nielsen, Coulson, 2018); • <i>дискурс-анализ</i> (Sternudd, 2012); • <i>позиционный анализ</i> (Franzén, Gottzén, 2011); • <i>этнометодологический анализ</i> (Smithson et al., 2011a; Smithson et al, 2011b); • <i>визуальный нарративный анализ изображений</i> (Sternudd, 2014). – <i>количественные методы анализа данных</i>: <ul style="list-style-type: none"> • <i>тематическое моделирование</i> (Margherita, Gargiulo, 2018); • <i>многомерное шкалирование</i> (Margherita, Gargiulo, 2018); • <i>количественный контент-анализ</i> (Davis, Lewis, 2018; Sternudd, 2014).

Мы используем целевую выборку типичных случаев (Tashakkori, Teddlie, Teddlie, 2003: 277). Этот тип выборки был выбран как начальный и, можно сказать, пробный, потому что у нас не было априорных представлений о том, есть ли в сообществе разные типы участников, предполагалось, что после выхода в поле дизайн может измениться. Свое исследование мы начали с поиска людей, которые были подписаны на онлайн сообщество, которое уже было заранее проанализировано с точки зрения артикулируемых в нем дискурсов, затем мы предполагали либо сменить стратегию отбора, либо остаться в прежнем варианте работы с эмпирическим объектом.

Для анализа данных в основном использовался секвенциональный подход объективной герменевтики (Кострова, 2018). В литературе количество фаз секвенционального анализа и их специфика варьируются. Мы построили аналитическую процедуру, придерживаясь шести аналитических шагов (Здравомыслова, Темкина, 2007: 240–242). Далее мы перейдем к описанию кейса.

Реконструкция биографической работы, осуществляемой селф-хармеркой

Наша информантка, назовем ее Ольгой, родилась в Москве, в семье гуманитариев. Всю жизнь прожила в этом городе. На момент интервью Ольге 20 лет, и она вышла из академического отпуска, учится на первом курсе повторно, работает экскурсоводом для маленьких детей, имеет ряд медицинских диагнозов с рождения и приобрела за свою жизнь пять психологических диагнозов (под психологическими диагнозами имеются в виду те категоризации, которые приписываются клиенту психологом), по словам информантки, обладает второй группой инвалидности.

Рисование life-line и генеалогического древа, с нашей точки зрения, оказалось весьма функциональным, потому что в процессе рисования life-line рассказ получал коммуникативную валидизацию (нечеткие моменты из биографического нарратива уточнялись, рассказ уплотнялся, иногда возникали новые детали). Генеалогическое древо позволило нам сразу заметить, например, что среди живых родственников Ольги из рассказа выпал брат.

По итогам секвенционального анализа мы пришли к следующей картине биографической идентичности Ольги. Девушка находится в состоянии трансформации, а именно в поиске опоры, то есть поддержки эмоционального и социального характера. Эта опора была утрачена со смертью родственников (умерли дядя, дедушка и бабушка) в 11 лет. Поиски опоры привели Ольгу к социализации в наркотических, алкогольных и сообществах ментальных расстройств, она накопила разнообразный жизненный опыт, которым делится со друзьями и имеет потенциал к тому, чтобы расширить свою аудиторию влияния. Информантка получила религиозное и светское воспитание, соответственно, эти два образования могли войти в конфликт

и отразиться на мировоззрении девушки, поскольку дисциплинарные режимы, которые сложились в двух типах заведений, где обучалась Ольга, противоречили друг другу. Религиозное образование она приобрела в воскресной школе, потом в начальной церковно-приходской школе и средней школе — гимназии с православным уклоном, светское же образование было получено в средней и старшей школе, а также в университете, где информантка и сейчас проходит обучение. Кроме того, опыт изнасилования, ментальных расстройств, а также физические недуги с рождения, вероятно, могли повлиять на самооценку, образ мира и образ жизни, который сформировался у Ольги к 20 годам⁸. После перенесенных информанткой травматических опытов мы можем предположить несколько сценариев развития событий в жизни этой девушки: посттравматический рост, личностное развитие либо уход в деструктивные практики и неблагополучный либо некогерентный жизненный сценарий. У Ольги были опыт сожительства, однако союз в дальнейшем не сложился, поступление в университет, однако был разрыв в обучении.

Составив представление о биографической траектории Ольги, обратимся к обсуждению предположений о дискурсе самоповреждения, которые были сформулированы нами до проведения биографического интервью.

Самоповреждение в нарративной идентичности селф-хармерки

Соотнося свои предположения и эмпирический кейс, мы постараемся реконструировать формирование и содержание дискурса о самоповреждении, носителем которого является наша информантка.

Начнем с анализа представлений о феномене самоповреждения в нарративе селф-хармерки. Ольга относит к самоповреждению широкий спектр типов поведения, не ограничивающийся нарушением кожных покровов. Обращение к этим практикам: наркотикам, алкоголю, сексуальному либертинажу и порезам, — происходит, с ее точки зрения, для сублимации эмоций. Мы уже писали, что обнаружена связь между употреблением психоактивных веществ, опытом сексуального насилия и самоповреждением. Так, в качественном исследовании Кетрин Дали отмечено, что психоактивные вещества и порезы работают как субституты (Daley, 2016). Девушки, взрослея, переключаются с порезов на психоактивные вещества, поскольку их употребление менее стигматизируется по сравнению с алкоголем. Обе практики служат для переживших насилие способами своеобразного менеджмента эмоций, той боли, которая накопилась и не имеет каналов для экстернализации. Таким образом, эта боль последовательно «вырезается» из тела.

---

⁸ Опыт физических недугов мог сформировать чувство неполноценности, которое впоследствии могло реализоваться в неврозе (Адлер, 1997).

Способы сублимации Ольги, по-видимому, сложились в процессе социализации. Будучи непринятой в детском саду, школах и дистанцированной от семьи, Ольга сформировала социальные связи в сообществах, в которых использовались самоповреждающие практики. В этих сообществах рисковое поведение поощряется и подкрепляется вознаграждениями, поэтому, вероятно, некоторые из их членов начинают искать опасности, чтобы обеспечить себе авторитет и «карьеру» в этих сообществах.

«Как-то так получилось, что меня пару раз угостили, потом еще пару раз угостили, а потом получилось так, что [...] у меня были друзья, которые принимали, и вот как раз я начала с ними много общаться [...] все начали много принимать, а я начала принимать больше всех, и это было видно очень плохо, потому что мы покупали большими объемами, большими партиями — скидывались, но со мной часто делились и часто подбрасывали, потому что я всегда ездила забирать. А это дело рискованное, ну поэтому как бы сверху накидка за то, что съездил и молодец».

В нарративе Ольги выстраиваются сложные взаимоотношения между типами самоповреждения: алкоголь, наркотики и порезы становятся связанными практиками⁹. Интересно, что, в отличие от тех объяснений выбора способа «заглушения» эмоциональной боли, которые мы видим в исследовательской литературе, Ольга не рассматривает нанесение порезов как наиболее простой и эффективный способ, не требующий дополнительных материальных приспособлений (Brossard, 2014: 566). Скорее, она почти профессионально взвешивает различные способы самодеструкции в их соотношении, используя медицинские категории, в частности, прибегая к термину «антидепрессант».

Самоповреждение, мне кажется, отдельно от этого всего существует, потому что сколько я врежу себе уже, ну, с 13 лет [...]. Просто это связано, наверное, с психическим расстройством больше. Ну, в периоды обострений наркотики это заглушают, а вот алкоголь это обостряет. То есть если у меня обострение депрессии, то алкоголь — это же антидепрессант, он тебя не активизирует, а наоборот, подавляет, тебе становится просто хуже. Если ты в нормальном трезвом состоянии способна контролировать какие-то наплывы вот этих вот негативных эмоций хотя бы более ли менее, в состоянии алкогольного опьянения ты уже не можешь этого делать, особенно если оно постоянное. В какой-то момент ты сдерживаешься, а потом уже не можешь, и это выходит, ну, за границы разумного. А при наркотической аддикции люди больше активизируются, и ты больше становишься склонен к самоповреждающему поведению,

⁹ Эти практики мы называем рядоположенными вслед за информанткой, поскольку Ольга интерпретирует их все как самоповреждающие. Такая позиция соотносится с некоторыми из определений самоповреждения, которые предлагаются в социологической и медицинской литературе (например, Scourfield, Roen, Mcdermott, 2011: 778).

то есть, не знаю, всякие рискованные действия, небезопасное поведение, это в этот момент кажется достаточным. Тебе не нужно себя резать, если ты ведешь себя настолько опасно, что ты можешь умереть».

Самоповреждение посредством порезов осуществляется аккуратно, не на всех частях тела, и становится в ее практике рутинизированным. Девушка режет себя дома, во время работы. Вокруг самой процедуры у Ольги со временем сформировался комплекс правил, который позволяет удерживать самоповреждение как несуицидальное. Как мы отмечали при анализе онлайн-дискурса, самоповреждение — это не суицидальная практика, это отражает и нарратив Ольги. Кроме того, мы видим в нем действия, направленные на удерживание порезов в «приемлемых» рамках. Этот менеджмент степени опасности осуществляется в соответствии с медицинскими практиками условной самосохранности — дезинфекцией и заживлением.

«Мне кажется, это не связано с эстетикой, часто приходится все же смотреть на кровь, потому что надо посмотреть, идет она или нет, заляпаю я сейчас кровать или нет, надо подтереть или нет, ну, потому что [...]. У меня никогда такого не было, но, в принципе, если ты себя повреждаешь, то нужно обеззараживать, потому что у меня знакомые просто в инфекционку уезжали на несколько недель просто потому, что грязь занесли в порез и у них рука загноилась, или, там, не знаю. Ожоги от сигарет на стопе, стопа тоже загноилась и пришлось ходить в повязке тоже какое-то время, ну, как-то, не знаю... У меня либо хороший иммунитет, либо чистое лезвие, я не знаю».

Однако не только медицина и относительная самосохранность ограничивают самоповреждения Ольги: творчество, эстетика, наличие «красивой» татуировки на месте пореза тоже действуют превентивно. Красота и эстетичность ценны для Ольги, к тому же это дорого стоит в буквальном смысле. Поэтому можно сказать, что к блоктору эстетического характера добавляется экономический (ресурсный). Прагматика нанесения порезов тоже имеет значение.

Со временем Ольга начала неосознанно идентифицировать себя с практикующими самоповреждения, что отразилось на круге друзей, партнеров, вместе с которыми она разделяет эти практики. В социологических категориях (в духе И. Гофмана) Ольга, освоив менеджмент практик самоповреждения, выстраивает моральную карьеру, экспертную карьеру среди других членов этого сообщества.

«Я очень долго думала о том, чтобы периодически рассказывать людям об этом всем, либо с теми, у кого есть какие-то проблемы, помогать в лечении. Я как такой главный специалист по госпитализации, у меня было много попыток терапии. Я попробовала почти все наименования таблеток, которые есть на российском рынке и даже которых нет

на российском рынке, и обходила кучу врачей. Обычно главный специалист по этому вопросу в моем окружении — это я. Если кто-то спрашивает типа помощи подобрать психотерапевта и у меня такие-то симптомы, ты можешь сказать примерно, что мне делать. Люди перенаправляют ко мне, вот у нее спроси, вот она в курсе».

Патологизация и нормализация самоповреждения в нарративе селф-хармерки

Патологизация. В дискурсе Ольги можно найти безусловные признаки патологизации и нормализации, исходящие из разных инстанций. Другие люди, не включенные в практику, составляющие ее близкий и дальний круг общения, институт медицины, профессиональная деятельность транслируют дискурс патологизации. Эти инстанции внесли вклад в маскировочные практики, которыми пользуется Ольга.

Семья, в лице матери, относится к самоповреждениям девушки, преимущественно солидаризируясь с юридическим дискурсом, поскольку воспринимает тело девушки как функциональный объект, как и в дискурсе о членовредительстве, который фигурирует в российском праве. В качестве иллюстрации можно привести сюжет с удалением следов от порезов, о котором сообщает Ольга. Мать не однократно предлагала дочери удалить следы от ее порезов на теле, объясняя это тем, что шрамы — это косметический дефект, который может повлиять на шансы девушки найти брачного партнера. В свою очередь, Ольга считает хирургические операции по удалению шрамов бесполезными, потому что они не решат, по ее мнению, психологических проблем, которые обусловили сами порезы. Из небольшого фрагмента о значении хирургической операции по удалению следов от порезов для матери и дочери следует наличие конфликта между ними. Дочь считала, что ее селф-харм — это накопленная психологическая проблема, а мать склонна камуфлировать последствия этой проблемы, не признавая ее наличие.

Окружающие, не включенные в практику, по мнению Ольги, усугубляют своим отношением патологизацию самоповреждения, но их позиция к таким людям, которые деструктивны к себе, может быть изменена в сторону большей терпимости информированием о людях с ментальными расстройствами. Для нашей информантки угроза обнаружения долгое время имела значение: Ольга продолжительно прятала следы от порезов. Для нее сокрытие своего опыта порезов является способом «адекватного» поведения себя с детьми.

Феномен самоповреждения Ольгой размещается во фрейме медико-психологического дискурса с точки зрения используемых терминов и связи состояния здоровья, физического и психического, и нормативно одобряемого поведения:

«Началась депрессия, и вот эта вот депрессия, она же [...] влияет на когнитивные функции как-никак, и поэтому, когда ты одновременно пьешь, и у тебя депрессия, ты одновременно пьешь и усугубляешь депрессию, твои мозговые функции ухудшаются... Я могу только принять [...] принимать какие-то свои более слабые стороны, и я просто очень рада, что вот в этот вот период ни разу из всех тех событий я все-таки не померла, я более или менее восстановила какие-то когнитивные функции, которые у меня были почти полностью утрачены, я более или менее уравновешенно себя веду и чувствую, и легче строю контакты с людьми. Я стараюсь не воротить тех дел, которые можно было бы наворотить при желании».

Нормализация. Нормализация как принятие и терпимость селф-харма происходит в контексте феминистских сообществ, ОСОМЗ, круга друзей и различного рода культурных сцен, которые фрагментарно встретились нам в нарративе Ольги.

Включенность в феминистское сообщество позволила Ольге экстернализовать и вербализовать опыт насилия и, возможно, активизировала ее в духе радикально феминистского лозунга «личное = политическое», пробудила рефлексию о связи собственных проблем с контекстуальным насилием.

ОСОМЗ создали информационную платформу и стали местом, где Ольга смогла понять, что ее селф-харм опыт не уникален и есть другие люди, которые тем или иным образом пытаются справиться с самоповреждением. Кроме того, ОСОМЗ стали тем публичным пространством, где она может включаться в дискуссию о проблеме, не имея медицинского образования, как носитель такого опыта. Информационный мотив включенности в онлайн-сообщества самоповреждения, а также мотивы преодоления изоляции, каминг-аута и мотивации к выздоровлению были обнаружены и при анализе англоязычных сообществ селф-хармеров (Lewis, Mehrabkhani, 2016: 252). Но надо отметить, что негативные аспекты, связанные с обменом опытом как «мудростью» о способах причинения именно несуицидального вреда себе, Ольгой тоже упоминаются.

Роль близких друзей и партнеров, а также та позиция, которую занимает Ольга среди друзей с ментальными расстройствами, согласуются с ролями друзей селф-хармеров, описываемыми Адлерами и Хогсон. Дружья действительно выступают не только источниками информации о селф-харме, но и регулируют границы корректного и некорректного воспроизводства селф-харма.

Сопоставляя дискурс Ольги с групповым дискурсом онлайн-сообщества, в которое она включена, мы заметили наличие сходных смысловых конструктов самоповреждения. О селф-харме говорят как о войне с самим собой, зависимости, о том, что вызывает стыд, производится совместно с партнером (романтическим, например), является визуальным маркером, который заметен и позволяет распознать другого селф-хармера (свой — чужой), а также о том, что становится опривыченным способом разрешения собственных проблем.

Заключение

В этой статье мы проанализировали нарративное биографическое интервью селф-хармерки, участницы онлайн-сообщества “Stop hurting yourself”. Это сообщество относится к числу ОСОМЗ. У нас не было априорных предположений относительно биографической структуры с ее событийностью, которая развернулась в интервью. Основные предположения строились относительно содержания дискурса о селф-харме, который сконструирует девушка. Мы предполагали, что, рассказывая о своей практике селф-харма, она будет описывать ее в рамках дискурсов патологизации, которую транслируют профессионалы-медики в медицинских учреждениях, и нормализации (как дискурсов профильных сообществ в сети) самоповреждения, что отчасти и подтвердилось. Биографический дискурс селф-хармерки выступает связующим звеном между двумя обозначенными дискурсами, отражая, как биографическая работа рассказчицы вбирает, перерабатывает отдельные элементы этих дискурсов и балансирует на их комбинациях. В результате секвенционального анализа биографического нарратива и тематического анализа мы пришли к следующим выводам.

1. История жизни селф-хармерки представляет собой пример «биографии превращения», однако, судя по истории рассказчицы, это превращение еще не завершено, девушка находится в идентификационном поиске. Вклад в это состояние внесли полученные при рождении проблемы со здоровьем, травматические отношения в семье, опыт коммуникации в медицинских учреждениях, конфликтность религиозного и светского воспитания, творческая сублимация, а также неформальная социализация в офлайн- и онлайн- маргинальных группах. Поворотные пункты в биографии информантки могут быть проинтерпретированы и с точки зрения психологии, и с точки зрения социологии: действительно, травматический детский опыт, ментальные расстройства, а также опыт насилия, скорее, склоняют нас к психологическим трактовкам личностных особенностей Ольги. Однако восприятие опыта, который приобретала девушка, по-видимому, сильно зависело от тех смысловых фреймов, в которые заключались эти ситуации важными для Ольги персонами и сообществами. Ее коммуникативные связи с кругом селф-хармеров и продвинутая моральная «карьер» в одноименном онлайн-сообществе упрочивают ее нормализованную на этой платформе идентичность и реципрочно подкрепляют ее авторитет как человека, имеющего опыт, достойный распространения в этой среде. Внутреннее напряжение Ольги от обесценивания уравнивается в этом сообществе приобретенной репутацией.

2. Наши предположения о том, как Ольга будет говорить о самоповреждении, подтвердились лишь отчасти.

Во-первых, в нарративе Ольги есть разные режимы проговаривания практики самоповреждения другим людям. В случае взаимодействия с семьей, с людьми, не включенными в практику и не «обладающими культурой

взаимодействия с людьми с ментальными расстройствами», а также с представителями медицины Ольга патологизирует селф-харм. Девушка скрывает этот опыт, потому что боится быть непонятой и соответственно квалифицированной. Ольга нормализует селф-харм с партнерами, друзьями, в ОСОМЗ, феминистских кругах. Нормализация заключается в свободном проговаривании практики самоповреждения, его частичной легитимации, а также в той роли «опытного эксперта» по этой практике, который позволяя удерживаться в режиме несуйцидального поведения.

Во-вторых, мы заметили, что рассуждение о селф-харме приобретает у Ольги характер медико-психологического дискурса: она использует термины и связи состояния здоровья (физического и психического), увязывая его с нормативно одобряемым поведением. Кроме того, также предлагать свой язык и дискурсивные логики селф-хармеру, например, религия. Свидетельства того, что российский подписчик ОСОМЗ может быть включенным в смежные культурные сцены, мы обнаруживали еще при анализе группового онлайн-дискурса.

В-третьих, мы изначально сузили свое исходное определение самоповреждения, оставив «за бортом» различные типы рискованного поведения, которые включаются некоторыми исследователями в практики самоповреждения. Однако Ольга продемонстрировала более широкое понимание того, что является самоповреждением, включив в него также сексуальный либертинаж, потребление психоактивных веществ и неумеренное потребление алкоголя. Пока остается открытым вопрос, действительно ли мы изучаем практики самоповреждения или мы имеем дело с другими сопутствующими феноменами, которые провоцируют нанесение себе вреда.

Литература

- Адлер А. О нервическом характере. М.: Университетская книга, 1997.
- Здравомыслова Е., Темкина А. Российский гендерный порядок: социологический подход / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: ЕУСПб, 2007.
- Кострова Е. А. Метод объективной герменевтики: проблемы и перспективы // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 2018. № 46. С. 123–158.
- Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012.
- Adler P. A., Adler P. The Cyber Worlds of Self-Injurers: Deviant Communities, Relationships, and Selves // *Symbolic Interaction*. 2008. Т. 31. № 1. P. 33–56. DOI: <https://doi.org/10.1525/si.2008.31.1.33>.
- Arcoverde R. L., de Almeida Amazonas M. C. L., de Lima R. D. M. Descriptions and Interpretations on Self-Harming // *Culture & Psychology*. 2016. Vol. 22. № 1. P. 110–127. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354067x15621474>.
- Brossard B. Fighting with Oneself to Maintain the Interaction Order: A Sociological Approach to Self-Injury Daily Process // *Symbolic Interaction*. 2014. Vol. 37. № 4. P. 558–575. DOI: <https://doi.org/10.1002/symb.118>.
- Daley K. Cutting Out the Pain: Sexual Abuse, Self-Injury, Abandonment and Young Women's Substance Abuse // *Youth and Substance Abuse*. Cham: Springer International Publishing, 2016. P. 115–137. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-33675-6_5.

Davis S., Lewis C. A. Addiction to Self-harm? The Case of Online Postings on Self-harm Message Boards // *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2018. Vol. 16. № 3. P. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11469-018-9975-8>.

Eichenberg C., Schott M. An Empirical Analysis of Internet Message Boards for Self-Harming Behavior // *Archives of Suicide Research*. 2017. Vol. 21. № 4. P. 672–686. DOI: <https://doi.org/10.1080/13811118.2016.1259597>.

Giles D. C., Newbold J. “Is This Normal?” The Role of Category Predicates in Constructing Mental Illness Online // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2013. Vol. 18. № 4. P. 476–490. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcc4.12022>.

Franzén A. G., Gottzén L. The Beauty of Blood? Self-Injury and Ambivalence in an Internet Community // *Journal of Youth Studies*. 2011. Vol. 14. № 3. P. 279–294. DOI: <https://doi.org/10.1080/13676261.2010.533755>.

Giles D. C., Newbold J. Self- and Other-Diagnosis in User-Led Mental Health Online Communities // *Qualitative Health Research*. 2011. Vol. 21. № 3. P. 419–428. DOI: <https://doi.org/10.1177/1049732310381388>.

Gray J., Dagg J. Using Reflexive Lifelines in Biographical Interviews to Aid the Collection, Visualisation and Analysis of Resilience // *Contemporary Social Science*. 2018. № 13. P. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.1080/21582041.2018.1459818>.

Haberstroh S., Moyer M. Exploring an Online Self-Injury Support Group: Perspectives From Group Members // *The Journal for Specialists in Group Work*. 2012. Vol. 37. № 2. P. 113–132. DOI: <https://doi.org/10.1080/01933922.2011.646088>.

Jacob N., Evans R., Scourfield J. The influence of online images on self-harm: A qualitative study of young people aged 16–24 // *Journal of Adolescence*. 2017. Vol. 60. P. 140–147. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2017.08.001>.

Lewis S. P., Mehrabkhani S. Every Scar Tells a Story: Insight into People’s Self-Injury Scar Experiences // *Counselling Psychology Quarterly*. 2016. Vol. 29. № 3. P. 296–310. DOI: <https://doi.org/10.1080/09515070.2015.1088431>.

Margherita G., Gargiulo A. A comparison between pro-anorexia and non-suicidal self-injury blogs: From symptom-based identity to sharing of emotions // *Psychodynamic Practice*. 2018. Vol. 24. № 4. P. 346–363. DOI: <https://doi.org/10.1080/14753634.2018.1535326>.

Nelson I. Artist for a New Age: Dissident Russian Performance Art and the Work of Petr Pavlenskii // *Russian Literature*. 2018. Vol. 96–98. P. 277–295. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2018.05.011>.

Rodham K. et al. An Investigation of the Motivations Driving the Online Representation of Self-Injury: A Thematic Analysis // *Archives of Suicide Research*. 2013. Vol. 17. № 2. P. 173–183. DOI: <https://doi.org/10.1080/13811118.2013.776459>.

Rowe S. L. et al. Help-Seeking Behaviour and Adolescent Self-Harm: A Systematic Review // *Australian & New Zealand Journal of Psychiatry*. 2014. Vol. 48. № 12. P. 1083–1095. DOI: <https://doi.org/10.1177/0004867414555718>.

Scourfield J., Roen K., McDermott E. The Non-Display of Authentic Distress: Public-Private Dualism in Young People’s Discursive Construction of Self-Harm // *Sociology of Health & Illness*. 2011. Vol. 33. № 5. P. 777–791. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9566.2010.01322.x>.

Seko Y., Lewis S. P. The self-harmed, visualized, and reblogged: Remaking of self-injury narratives on Tumblr // *New Media & Society*. 2018. Vol. 20. № 1. P. 180–198. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444816660783>.

Smithson J. et al. Membership and Boundary Maintenance on an Online Self-Harm Forum // *Qualitative Health Research*. 2011b. Vol. 21. № 11. P. 1567–1575. DOI: <https://doi.org/10.1177/1049732311413784>.

Smithson J. et al. Problem presentation and responses on an online forum for young people who self-harm // *Discourse Studies*. 2011a. Vol. 13. № 4. P. 487–501. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461445611403356>.

Sternudd H. T. “I Like to See Blood”: Visuality and Self-Cutting // *Visual Studies*. 2014. Vol. 29. № 1. P. 14–29. DOI: <https://doi.org/10.1080/1472586x.2014.862989>.

Sternudd H. T. Photographs of Self-Injury: Production and Reception in a Group of Self-Injurers // Journal of Youth Studies. 2012. Vol. 15. № 4. P. 421–436. DOI: <https://doi.org/10.1080/13676261.2012.663894>.

Tashakkori A., Teddlie C., Teddlie C. B. Handbook of Mixed Methods in Social & Behavioral Research. Thousand Oaks, CA: Sage, 2003.

Taylor J. D., Ibañez L. M. Sociological Approaches to Self-injury // Sociology Compass. 2015. Vol. 9. № 12. P. 1005–1014. DOI: <https://doi.org/10.1111/soc4.12327>.

Williams A. J., Nielsen E., Coulson N. S. “They Aren’t All Like That”: Perceptions of Clinical Services, as Told by Self-Harm Online Communities // Journal of Health Psychology. 2018. № 23. P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1177/1359105318788403>.

Дата поступления: 16.07.2019

.....

Balancing between discourses of pathology and normality: biographical practice of autoaggression. The case of self-harm

DOI: 10.19181/inter.2019.20.4

Oxana Mikhaylova

Mikhaylova Oxana — Master’s student, Faculty of Social Sciences, HSE University, oxanamikhailova@gmail.com.

In this article, the construction of the biographical identity of self-harmer who belongs to the online self-injurers community in Russian social network “Vkontakte” is analyzed. We applied a poststructuralist sociological approach to self-harm, this supposed viewing self-injury as a center of discursive struggles between different social actors and institutions. Our goal was to understand how self-harming person positions herself concerning diverse cultural discourses. We wanted to identify not only the patterns of biographical work but also the place of self-mutilation in the narrative. Before the interview we analyzed the discourse of the online community to which the informant belonged, we based our guide on the literature review and the results of discourse analysis. The sequential and thematic analyses were employed to investigate the interview data. As a result of our analysis, we identified the existence of normalizing and pathologizing discourses in the narrative and the ability of discursive influence to be differently included in the narrative (on the language and logic levels). Furthermore, we came up with methodological suggestions for further studies of the Russian online self-harm communities. The discussion of the biographical structure of self-harmer and the self-injury representations in it could become part of the discussion on the status of online mental health communities that exists among social scientists. This article also helps to illustrate the ability to combine the sociological and psychological optics in the studies of mental health.

Keywords: self-injury; cutting; self-harm; biographical method

References

- Adler A. (1997) *O nervicheskom kharaktere* [On the neurotic character]. M.: University book. (In Russ.)
- Adler P. A., Adler P. (2008) The Cyber Worlds of Self-Injurers: Deviant Communities, Relationships, and Selves. *Symbolic Interaction*. No. 31 (1). P. 33–56. DOI: <https://doi.org/10.1525/si.2008.31.1.33>.
- Arcoverde R. L., de Almeida Amazonas M. C. L., de Lima R. D. M. (2016) Descriptions and Interpretations on Self-Harming. *Culture & Psychology*. No. 22 (1). P. 110–127. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354067x15621474>.

Brossard B. (2014) Fighting with Oneself to Maintain the Interaction Order: A Sociological Approach to Self-Injury Daily Process. *Symbolic Interaction*. No. 37 (4). P. 558–575. DOI: <https://doi.org/10.1002/symb.118>.

Daley K. (2016) Cutting Out the Pain: Sexual Abuse, Self-Injury, Abandonment and Young Women's Substance Abuse / In: *Youth and Substance Abuse*. Cham: Springer International Publishing. P. 115–137. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-33675-6_5.

Davis S., Lewis C.A. (2018) Addiction to Self-harm? The Case of Online Postings on Self-harm Message Boards. *International Journal of Mental Health and Addiction*. No. 16 (3). P. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11469-018-9975-8>.

Eichenberg C., Schott M. (2017) An Empirical Analysis of Internet Message Boards for Self-Harming Behavior. *Archives of Suicide Research*. No. 21 (4). P. 672–686. DOI: <https://doi.org/10.1080/13811118.2016.1259597>.

Giles D.C., Newbold J. (2011) Self- and Other-Diagnosis in User-Led Mental Health Online Communities. *Qualitative Health Research*. No. 21 (3). P. 419–428. DOI: <https://doi.org/10.1177/1049732310381388>.

Franzén A.G., Gottzén L. (2011) The Beauty of Blood? Self-Injury and Ambivalence in an Internet Community. *Journal of Youth Studies*. No. 14 (3). P. 279–294. DOI: <https://doi.org/10.1080/13676261.2010.533755>.

Giles D.C., Newbold J. (2013) "Is This Normal?" The Role of Category Predicates in Constructing Mental Illness Online. *Journal of Computer-Mediated Communication*. No. 18 (4). P. 476–490. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcc4.12022>.

Gray J., Dagg J. (2018) Using Reflexive Lifelines in Biographical Interviews to Aid the Collection, Visualisation and Analysis of Resilience. *Contemporary Social Science*. No.3. P. 1–16. DOI: <https://doi.org/10.1080/21582041.2018.1459818>.

Haberstroh S., Moyer M. (2012) Exploring an Online Self-Injury Support Group: Perspectives From Group Members. *The Journal for Specialists in Group Work*. No. 37 (2). P. 113–132. DOI: <https://doi.org/10.1080/01933922.2011.646088>.

Jacob N., Evans R., Scourfield J. (2017) The influence of online images on self-harm: A qualitative study of young people aged 16–24. *Journal of Adolescence*. No. 60. P. 140–147. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2017.08.001>.

Kostrova E.A. (2018) Metod ob'yektivnoy germeneytiki: problemy i perspektivy [The method of objective hermeneutics: problems and prospects]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoye modelirovaniye* (4M) [Sociology: methodology, methods, mathematical modeling]. No. 46. P. 123–158. (In Russ.)

Lewis S.P., Mehrabkhani S. (2016) Every Scar Tells A Story: Insight into People's Self-Injury Scar Experiences. *Counselling Psychology Quarterly*. No. 29 (3). P. 296–310. DOI: <https://doi.org/10.1080/09515070.2015.1088431>.

Margherita G., Gargiulo A. (2018) A comparison between pro-anorexia and non-suicidal self-injury blogs: From symptom-based identity to sharing of emotions. *Psychodynamic Practice*. 2018. No. 24 (4). P. 346–363. DOI: <https://doi.org/10.1080/14753634.2018.1535326>.

Nelson I. (2018) Artist for a New Age: Dissident Russian Performance Art and the Work of Petr Pavlenskii. *Russian Literature*. No. 96–98. P. 277–295. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ruslit.2018.05.011>.

Rodham K. et al. (2013) An Investigation of the Motivations Driving the Online Representation of Self-Injury: A Thematic Analysis. *Archives of Suicide Research*. No. 17 (2). P. 173–183. DOI: <https://doi.org/10.1080/13811118.2013.776459>.

Rowe S.L. et al. (2014) Help-Seeking Behaviour and Adolescent Self-Harm: A Systematic Review. *Australian & New Zealand Journal of Psychiatry*. No. 12 (48). P. 1083–1095. DOI: <https://doi.org/10.1177/0004867414555718>.

Rozhdestvenskaya E. U. (2012) *Biograficheskiy metod v sotsiologii* [Biographical method in sociology]. M.: HSE. (In Russ.)

Scourfield J., Roen K., McDermott E. (2011) The Non-Display of Authentic Distress: Public-Private Dualism in Young People's Discursive Construction of Self-Harm. *Sociology of Health & Illness*. No 33 (5). P. 777–791. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9566.2010.01322.x>.

Seko Y., Lewis S.P. (2018) The self-harmed, visualized, and reblogged: Remaking of self-injury narratives on Tumblr. *New Media & Society*. No. 20 (1). P. 180–198. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461444816660783>.

Smithson J. et al. (2011b) Membership and Boundary Maintenance on an Online Self-Harm Forum. *Qualitative Health Research*. No. 21 (11). P. 1567–1575. DOI: <https://doi.org/10.1177/1049732311413784>.

Smithson J. et al. (2011a) Problem presentation and responses on an online forum for young people who self-harm. *Discourse Studies*. Vol. 13. №4. P. 487–501. DOI: <https://doi.org/10.1177/1461445611403356>.

Sternudd H.T. (2012) Photographs of Self-Injury: Production and Reception in a Group of Self-Injurers. *Journal of Youth Studies*. No. 15 (4). P. 421–436 DOI: <https://doi.org/10.1080/13676261.2012.663894>.

Sternudd H.T. (2014) "I Like to See Blood": Visuality and Self-Cutting. *Visual Studies*. No. 29 (1). P. 14–29. DOI: <https://doi.org/10.1080/1472586x.2014.862989>.

Tashakkori A., Teddlie C., Teddlie C.B. (2003) *Handbook of Mixed Methods in Social & Behavioral Research*. Thousand Oaks, CA: Sage.

Taylor J.D., Ibañez L.M. (2015) Sociological Approaches to Self-injury. *Sociology Compass*. No. 9 (12). P. 1005–1014. DOI: <https://doi.org/10.1111/soc4.12327>.

Williams A.J., Nielsen E., Coulson N.S. (2018) "They Aren't All Like That": Perceptions of Clinical Services, as Told by Self-Harm Online Communities. *Journal of Health Psychology*. No. 23. P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1177/1359105318788403>.

Zdravomyslova E., Temkina A. (2007) *Rossiyskiy gendernyy poryadok: sotsiologicheskiiy podkhod* [Russian gender order: the sociological approach] / Zdravomyslova E., Temkina A. (eds). SPb.: YEUSPb. (In Russ.)

Received: 16.07.2019